

18+

Альтер ■

Гастроном

Альтер М. Гастроном

<https://litres.ru/74150213>

ISBN 9785007005326

Аннотация

Шеф-повар Игорь Рокотов открывает ресторан «Утроба», где блюда из загадочного мяса вызывают у гостей галлюцинации их глубочайших травм. Популярность растёт, но ингредиенты сами находят повара, и вскоре он понимает: это человеческая плоть. Рокотов оказывается втянут в древний культ Голода — вечной сущности, требующей кровавых жертв. Чтобы спасти себя и близких, он должен приготовить Великую Трапезу и обмануть само зло. Мистический ужас, кулинарная магия и тёмные тайны рода.

Содержание

Глава первая. Хлеб насущный	5
Глава вторая. Кровь и почва	31
Глава третья. Трапеза двенадцати	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Гастроном

Альтер М.

© Альтер М., 2026

ISBN 978-5-0070-0532-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Хлеб насущный

Нож вошёл в плоть с тихим, почти интимным всхлипом. Лезвие, заточенное до состояния бритвенной остроты, не встретило сопротивления ни в податливых волокнах мышц, ни в хрупкой решётке костей. Игорь Дмитриевич Рокотов, шеф-повар и владелец ресторана «Утроба», замер на мгновение, прислушиваясь к ощущениям. От рукояти, сделанной из окаменевшего морёного дуба, в ладонь струился едва уловимый холодок — не тот, что бывает от металла, долго лежавшего в холодильнике, а иной, глубинный, словно нож хранил память о земле, из которой его извлекли.

Рокотов опустил взгляд. На разделочной доске из цельного спила чёрного ореха лежал кусок мяса. Он не был похож ни на говяжью вырезку, ни на свиную корейку, ни на баранью ногу. Цвет его был странным: насыщенно-бордовым, с фиолетовым отливом, уходящим в глубокую черноту по краям, где мышечные ткани переходили в серебристые плёнки жил. Запах... Запах был почти неуловим. Так пахнет в старых подвалах каменных замков, где столетиями не ступала нога человека, или в чаще леса после затяжного ливня, когда гниющие листья отдают земле последние соки.

Игорь провёл кончиком пальца по срезу. Мясо ответило едва заметной вибрацией, словно в глубине его ещё теплилась какая-то судорожная жизнь. Это было нормально. Для

этого мяса — нормально.

Он оглянулся через плечо, в узкое, зарешечённое окно кухни. За окном плыл сырой ноябрьский вечер. Морось стучалась в стекло, размывая огни фонарей в грязно-жёлтые кляксы. Город спал, укрывшись сырым одеялом тумана, но здесь, в подвальном помещении «Утробы», жизнь только начинала свой тайный, ночной разгон.

Рокотов поднёс лезвие к глазам. На стали, в том месте, где она коснулась сока плоти, распускалось крошечное марево. Будто воздух над раскалённым асфальтом, но не было тепла — лишь зыбкое колебание реальности. Игорь усмехнулся одними уголками губ. Суеверный человек, увидев такое, побежал бы в церковь или к психиатру. Игорь Дмитриевич Рокотов был поваром. И он знал, что лучшие ингредиенты всегда приходят сами. Их не выбираешь — они выбирают тебя.

Ровно два месяца назад, в первый день работы ресторана, он нашёл первый кусок. Тот лежал на пороге чёрного хода, завернутый в плотную вощёную бумагу без единой надписи. Игорь тогда подумал, что это заказ от поставщика дичи, о котором он забыл. Мясо пахло болотной ряской и чем-то сладковатым, как старые духи. Он приготовил из него тартар, добавив каперсы, лук-шалот и щепотку соли, собранной вручную на скалах острова Сирос. Он подал его молодой женщине с усталым лицом — известному в городе театральному критику, которая зашла поужинать из чистого любопытства, привлечённая вывеской, стилизованной под вход в склеп.

Женщина съела две ложки. А потом закричала.

Она кричала не от боли. Не от отравления. Она смотрела в пустоту перед собой широко распахнутыми, остановившимися глазами и видела то, чего не видел никто другой в зале. Она видела отца, который бил её в детстве ремнём с медной пряжкой. Видела так ясно, будто это происходило прямо сейчас, на скатерти из грубого льна. Она трогала пальцами воздух, пытаясь защититься от удара, и плакала. Плакала, как ребёнок, которому снова пять лет и которого заперли в тёмном чулане за разбитую вазу.

Через полчаса галлюцинация рассеялась. Вместо ужаса в глазах женщины появилось странное, болезненное просветление. Она вытерла слёзы, аккуратно положила приборы на край тарелки и прошептала: «Я больше не боюсь его. Он мёртв уже двадцать лет, а я всё ещё живу в том чулане».

Она ушла, оставив на столе пятитысячную купюру — втрое больше счёта. А через три дня в «Утробу» выстроилась очередь.

Теперь запись велась на три месяца вперёд. Здесь не было меню. Было только одно правило: ты садишься за стол, и тебе приносят то, что приготовил Шеф. Никто не знал, что будет на тарелке. И никто не знал, какую именно боль ему подадут под соусом из перетёртых лесных ягод. Но они шли. Шли, как скот на бойню, добровольно, с трепетом и надеждой.

Игорь снова перевёл взгляд на мясо. Сегодня у него особенный гость. Не просто богатый бездельник, ищущий ост-

рых ощущений. На сегодняшний вечер записан человек, о котором Игорь думал уже несколько недель. Человек, чью боль он хотел приготовить лично, не доверяя процесс никому из своих помощников-послушников, работавших в зале. Этот человек — следователь по особо важным делам, Викентий Павлович Стромилов. Человек, который всю жизнь закапывает чужие секреты в землю, но ни разу не заглянул в подвал собственной души.

Игорь знал: чтобы достать эту боль, нужен особый соус. И особое топливо.

Он провёл ножом вдоль волокон. Плоть разошлась с тихим стоном, обнажая внутреннюю структуру. Рокотову на мгновение показалось, что в глубине среза блеснул человеческий глаз — со зрачком, расширенным от ужаса, и лопнувшими сосудами. Он мотнул головой, сгоняя наваждение. Нет, показалось. Или нет? Глаз исчез, оставив лишь тёмно-красное пятно, похожее на сгусток запёкшейся крови.

Рука повара дрогнула впервые за десять лет работы с ножом. Игорь Рокотов считал себя человеком без иллюзий. Он проходил стажировку в бистро Парижа, где крыс жарили на вертеле и называли «кроликом а ля мэр». Он работал в припортовых забегаловках Владивостока, где свежесть рыбы определяли по тому, насколько сильно она ещё дёргается на разделочном столе. Он видел гниль, грязь и цинизм гастрономического мира. Но это... это было другое.

Когда два дня назад он вошёл на кухню перед рассветом,

чтобы замесить тесто для хлеба на закваске столетней выдержки, мясо уже лежало на столе. Не на пороге. На его личном разделочном столе. Оно было тёплым. Оно было больше похоже на часть торса, чем на отруб. И на боку, в том месте, где у живого человека располагалась бы печень, кто-то — или что-то — вырезало глубокий знак. Спираль, уходящую вглубь. Таковую же спираль, какую Игорь носил на тыльной стороне ладони — старый шрам от ожога, полученный в детстве, когда он впервые сунул руку в костёр, замороженный танцем пламени.

Совпадение? В «Утробе» не было совпадений. Здесь действовали иные законы. Законы желудка и памяти.

Игорь отложил нож и вытер руки о передник из грубой мешковины. Передник был в тёмных пятнах, напоминающих старые брызги ржавчины, но на самом деле — это был сок свёклы и вишни. Или не только их. Он подошёл к большому чугунному котлу, в котором томился соус. Котёл стоял на плите без огня. Под ним не было ни газовой горелки, ни индукционной панели. Только странный, бугристый камень, который Игорь подобрал на пустыре за городом, где, по слухам, раньше находилось языческое капище. Камень сам отдавал тепло — ровное, градусов шестьдесят по Цельсию, идеальное для томления.

Соус булькал. В его глубине, в густой массе из редуцированного красного вина, костного мозга и неопознанных корней, купленных у старухи-травницы на заброшенной

станции, плавали мелкие кусочки чего-то тёмного. Рокотов наклонился ниже, вдохнул пар. В носу защипало, перед глазами поплыли круги. На секунду он увидел вместо кастрюли — прорубь в затянутой льдом реке, а в проруби — лицо. Лицо мужчины, раздутое, белое, с выеденными рыбами губами.

Игорь отшатнулся, ударившись спиной о стеллаж с посудой. Стекланные банки с маринованными папоротниками и мочёной морошкой жалобно звякнули. Видение исчезло.

— Чёрт, — выдохнул он, потирая висок. — Слишком сильно уварил.

Он знал этот феномен. Эманации. Так он их называл. Ингредиенты, которые «приходили», были пропитаны страхом, отчаянием и болью того, кому они когда-то принадлежали. При термообработке эта энергия высвобождалась, как пар из котла. Рокотов научился ею управлять. Он как дирижёр управлял оркестром из кошмаров, добавляя в блюдо ровно столько яда, чтобы гость не умер от разрыва сердца, но пережил катарсис.

Но в последние дни ингредиенты стали агрессивнее. Мясо лежало на столе, не портясь, неделями. Оно само указывало, как его готовить. Сегодняшний кусок, например, требовал, чтобы его резали вдоль линий, похожих на шрамы. Игорь знал, что если порезать поперёк — случится что-то плохое. Он не проверял, но чувствовал это кожей. Кожа на его руках стала чувствительной, как фотобумага, проявляющая чью-то чужую агонию.

Он взял себя в руки. Надо работать. Стромилов придёт ровно в полночь. Таков ритуал. Только в полночь, когда город затихает, а ветер завывает в вентиляционных шахтах, как голос брошенного младенца, начинается настоящая служба.

Рокотов взял длинный пинцет и извлёк из соуса кусочек мяса. Тот обмяк, стал почти чёрным, но на срезе светился красным, как уголёк в золе. Игорь аккуратно уложил его на середину белоснежной тарелки, подогретой до температуры человеческого тела. Вокруг мяса он выложил спираль из пюре из сельдерея, подкрашенного чернилами каракатицы в цвет грозовых туч. Сверху — крошечный лепесток «крово-вого» щавеля, сорванного на рассвете в овраге, где когда-то повесился мельник.

Блюдо выглядело, как абстрактная картина самоубийцы. И пахло сырой землёй и детством.

В дверь кухни постучали. Три удара. Быстрых, нервных. — Войдите, — сказал Игорь, не оборачиваясь. Он знал, что это Зоя. Администратор, официантка и его тень. Женщина лет тридцати пяти с лицом иконописной богоматери и глазами ростовщицы, считающей чужие проценты.

Дверь скрипнула, пропуская в кухню запах дорогого табака и фиалковых леденцов.

— Клиент прибыл, — голос Зои был лишён эмоций, как звук метронома. — Сидит в дальнем углу. От вина отказался. Воду попросил.

— Воду, — усмехнулся Рокотов. — Пытается сохранить ясность ума. Зря.

— Он нервничает, Шеф. Но пытается это скрыть. Осматривает помещение. Нашёл камеру в глазу ворона. Похвалил маскировку.

Игорь повернулся. В руке он держал тарелку с блюдом, которое должно было либо исцелить следователя, либо свести его с ума.

— Ворон — хорошая деталь, — произнёс он задумчиво. — Глаза у него настоящие. Стеклодув из Плёса делал. Стромилов умён, но ум — это как соусник для хрена. Помогает только в первые три секунды. Потом жжёт слизистую правды.

Зоя подошла ближе. Её форменное платье, стилизованное под одеяние сестры милосердия времён Первой мировой, едва слышно шуршало накрахмаленной тканью. Она остановилась в двух шагах от шефа, глядя на тарелку. Её зрачки чуть расширились, ноздри дрогнули.

— Сегодня сильно пахнет, — заметила она тихо. — Сильнее, чем вчера. Свежей могилой пахнет.

— Это розмарин, — соврал Игорь.

— Это не розмарин, — возразила Зоя, но спорить не стала. — Шеф, вы уверены в этом человеке? Он опасен. У него есть значок и привычка задавать вопросы, на которые нет удобных ответов.

Рокотов поднял тарелку на уровень груди. Пар от горячего

блюда вился тонкой струйкой, касаясь его подбородка.

— Зоя, дорогая моя, — его голос стал мягким, почти ласковым. — Всю свою жизнь я задавал вопросы продуктам. Готов ли ты? Что ты скрываешь под шкуркой? Почему у тебя жилы синие, а не красные? И знаешь что? Продукты никогда не ввали. В отличие от людей. Стромиллов — это ходячий нарыв. И либо мы его вскроем сегодня, либо завтра он вскроет нас.

Зоя медленно кивнула. В полумраке кухни, освещённой лишь тусклыми лампами, затянутыми паутиной (специально разведённой), её тень на стене казалась сторбленной фигурой с клюкой.

— Я провожу вас к столу, — сказала она. — Он ждёт.

Игорь Рокотов перехватил тарелку поудобнее. Тяжёлая, как каменная плита. Он вышел из кухни в узкий коридор, стены которого были обиты потемневшими от времени досками. Под ногами скрипел пол. Где-то в стенах, в специально проложенных керамических трубах, что-то шелестело и постукивало — то ли мыши, то ли механизмы старого органа, который Зоя нашла в костёле и приспособила для создания фонового шума.

«Утроба» была не просто рестораном. Это был живой организм. Игорь выстроил его по образу и подобию желудка исполинского зверя. Гости сидели в альковах, напоминающих складки кишечника. Свет давали свечи из чёрного воска, пламя которых горело зелёным — в фитили был вплетён

медный купорос. А в центре зала возвышалась инсталляция: колоссальный дубовый стол-алтарь, на котором в формалине плавал осьминог размером с собаку. Осьминог, по заверению Зои, был пойман в Марианской впадине и обладал тремя сердцами, которые всё ещё сокращались раз в сутки, хотя тварь была мертва уже сто лет.

Гостей сегодня было немного. Три столика. Молодая пара — мужчина и женщина, сидящие спинами друг к другу, но при этом держащиеся за руки (у них была проблема с близостью, им подали заливное из бычьих хвостов). Одинокий старик с тростью, увенчанной серебряным черепом — он приходил каждую пятницу и плакал над десертами, вспоминая погибшую дочь. И вот он, новый гость.

Викентий Павлович Стромилов.

Рокотов приблизился к столу. Следователь сидел, выпрямив спину, словно кол проглотил. На вид ему было около пятидесяти. Седина на висках, глубокие залысины, серый костюм, галстук цвета запёкшейся крови. Лицо — топографическая карта выживания в джунглях следственных изоляторов и кабинетов с лампой в глаза. Глаза у него были светлые, водянистые, как у варёного судака. Но цепкие. Очень цепкие.

Рядом с ним на столе стоял стакан воды. Вода в нём чуть заметно колебалась, хотя ресторан находился в подвале и никакой вибрации от метро или трамваев здесь быть не могло. Колебалась она от того, что Стромилов постукивал пальца-

ми по столешнице. Ему было не по себе. Человек, привыкший допрашивать маньяков и глядеть на расчленёнку с апетитом, здесь чувствовал себя неуютно, как ребёнок на экзаме-
мене.

— Добрый вечер, — произнёс Игорь, ставя тарелку перед гостем. Фарфор коснулся дубовой столешницы с глухим, похоронным стуком. — Добро пожаловать в «Утробу». Меня зовут Шеф. И сегодня я буду вашим проводником.

Стромилов поднял глаза. Он не смотрел на тарелку. Он смотрел на Рокотова. Взгляд профессиональный, сканирующий. Он оценивал рост, комплекцию, наличие шрамов, нервный тик. Игорь знал эту манеру. Он и сам так смотрел на мясо, когда оно только появлялось на пороге.

— Игорь Дмитриевич Рокотов, — произнёс Стромилов. Голос у него был сухой, с металлическим отзвуком, как у человека, привыкшего диктовать протоколы осмотра. — Тысяча девятьсот восемьдесят второго года рождения. Уроженец города Аркаим, но прописка московская. В юности привлекался за бродяжничество. Судимостей нет. Я правильно излагаю биографию?

Игорь улыбнулся. Улыбка получилась широкой, но глаза остались холодными, как донышки проруби.

— Вы забыли упомянуть мою бабушку, которая была знахаркой, и моего деда, который был смотрителем маяка на Онеге и сошёл с ума, слушая крики утопленников в шторм. Это тоже важная часть биографии. Вкусовая, знаете ли, па-

мать поколений. Присаживайтесь? Ах да, вы уже сидите.

Стромилов не ответил на улыбку. Он перевёл взгляд на тарелку. И тут его левая бровь едва заметно дрогнула. Игорь заметил это движение. Оно означало, что следователь увидел в блюде не просто еду. Он увидел порядок. Структуру. Логичку. Спираль из пюре была выложена против часовой стрелки. Лепесток щавеля лежал ровно по центру куска мяса, напоминая пулевое отверстие.

— Что это? — спросил Стромилов.

— Это вы, — ответил Шеф. — Концентрат вашей жизни. Ваши поступки, ваши страхи, ваши надежды, замаринованные в красном вине и томлённые двенадцать часов на камне, который помнит ещё набегу печенегов. Я называю это блюдо «Исповедь перед казнью».

В зале повисла тишина. Даже старик с тростью перестал всхлипывать над своим крем-брюле и уставился в их сторону. Зелёное пламя свечей заколебалось, вытягиваясь вверх тонкими иглами, словно прислушиваясь к разговору.

Следователь взял вилку и нож. Движения его были точными, экономными. Он не спешил. Он подцепил вилкой край мяса, отрезал крошечный кусочек — не больше фаланги мизинца. Поднёс к носу. Понюхал.

— Любопытно, — произнёс он. — Пахнет гарью. Не лесным пожаром, а так... палёной проводкой. И сырой землёй. Я чувствую запах подвала.

— У каждого свой подвал, Викентий Павлович, — тихо

сказал Рокотов, отступая на шаг в тень, чтобы не мешать. — У кого-то там варенье и соленья, а у кого-то — замурованные скелеты.

Стромилов положил кусочек мяса в рот.

Первые секунд десять ничего не происходило. Он жевал. Скулы его двигались размеренно, как жернова мельницы. Глаза были открыты. Он смотрел на Рокотова, а Рокотов смотрел на него.

А потом зрачки следователя расширились, проглотив светлую радужку. Он перестал жевать. Вилка выпала из его пальцев, звякнув о край тарелки. Звук этот в тишине зала прозвучал как выстрел.

Рокотов знал этот момент. Момент, когда блюдо берёт власть над сознанием едока. Когда молекулы особого мяса, пропитанного чужим страданием, всасываются в кровь и достигают гипоталамуса, отмыкая те двери в памяти, которые мозг старательно заколачивал десятилетиями. Это была его магия. Его кухня. Его «Утроба».

Стромилов больше не был в ресторане. Он был в другом месте. Игорь понял это по тому, как изменилось лицо следователя. С него сошла маска профессиональной невозмутимости. Мышцы обмякли, нижняя челюсть слегка отвисла. Он смотрел на пламя свечи, но видел нечто иное.

Вокруг стола Стромилова начал сгущаться воздух. Он стал плотным, тягучим. Зоя, стоявшая у колонны, попятилась. Даже старик-завсегдатай отодвинулся вместе со сту-

лом. Рокотов же, наоборот, чуть подался вперёд. Он должен был видеть. Он должен был знать, что за боль он сегодня приготовил.

Стромилов заговорил. Голос его изменился. Он стал выше, ломким, мальчишеским. Это был голос подростка, у которого вот-вот сорвётся бас.

— Пап, не надо. Пап, я больше не буду, честное слово...

Рокотов замер. Он ожидал увидеть ужасы войны — Стромилов служил в горячих точках. Или ужасы следствия — пытки подследственных, подброшенные наркотики. Но это... это пахло детством. Самым страшным детством, какое только может быть — с ремнём и молчаливой матерью в углу.

Следователь вскинул руки, закрывая голову. Движения были резкими, дёргаными. Он сжался в комок на стуле, стараясь стать как можно меньше. На его виске вздулась жила. Из глаз брызнули слёзы — не скупые мужские, а потоки детской истерики.

— Я не брал деньги! Это не я! — крикнул он, глядя в пустоту. — Это Витка, соседский... Мам! Мам, скажи ему!

Игорь почувствовал, как внутри у него самого всё сжалось в тугую комок. Он не сочувствовал. Он анализировал. Мясо раскрыло первый слой. Травма несправедливого наказания. Обычная история для детей девяностых. Но в этой истории было что-то ещё. Что-то тёмное, из-за чего воздух в зале стал ледяным, а язычки зелёного пламени свечей начали коптить

чёрным жирным дымом.

Стромилов резко выпрямился. Слёзы на его щеках высохли мгновенно, будто их стёрли невидимой тряпкой. Выражение лица сменилось с детского ужаса на звериную, сосредоточенную ярость. Глаза его, только что полные слёз, налились кровью.

— Ты ответишь, — прошипел он, глядя сквозь Рокотова, сквозь стену, сквозь время. — Ты мне за всё ответишь, гнида.

Он схватил со стола нож для мяса — тот самый, с зазубренным лезвием, который подали к блюду. Рукоять легла в его ладонь, как влитая. Пальцы сжались с такой силой, что побелели костяшки.

Зоя ахнула. Молодая пара за соседним столиком вскочила. Мужчина попытался увести свою спутницу к выходу, но та, замороженная, словно кролик удавом, не могла отвести взгляда от человека с ножом.

— Викентий Павлович! — окликнул его Рокотов. Голос его прозвучал резко, как удар хлыста. Он не имел права позволить клиенту навредить себе или другим. Ресторан ещё не был готов к скандалу с трупом. Трупы должны были быть только в тарелке.

Но Стромилов не слышал его. Он встал из-за стола. Движения его были механическими, как у плохо смазанного манекена. Нож в его руке мелко дрожал, отражая зелёное пламя. С губ следователя сорвалось одно-единственное слово.

Оно прозвучало тихо, но в мёртвой тишине зала его услышали все.

— Саргин.

Рокотов вздрогнул. Он знал эту фамилию. Знал из газет, из криминальной хроники десятилетней давности. Олег Саргин — маньяк, на счету которого числилось семь замученных девушек. Саргина взяли в ходе спецоперации, он оказал сопротивление и был застрелен при попытке к бегству. Дело вёл Стромилов.

Но сейчас следователь произнёс эту фамилию не как прокурор. Он произнёс её с ужасом и ненавистью. С той интонацией, с какой жертва произносит имя своего мучителя.

Стромилов сделал шаг вперёд. Он шёл на невидимого врага. Он замахивался ножом, целясь в пустоту. Рокотов видел, как напрягаются мышцы его предплечья для смертельного удара.

«Он сейчас убьёт воздух, — мелькнуло в голове у Шефа. — А вместе с воздухом убьёт себя. Инсульт, разрыв сердца. Мясо сегодня слишком сильное. Я переборщил с костным мозгом».

Он рванулся вперёд, чтобы перехватить руку клиента, но опоздал.

Стромилов нанёс удар ножом в пустое пространство перед собой. Лезвие рассекло воздух с мерзким свистом. И в тот же миг в зале погасли все свечи. Все разом, будто кто-то задул их гигантскими невидимыми лёгкими. Наступила

абсолютная, гробовая тьма.

Женщина за соседним столиком взвизгнула. Старик громко забормотал молитву — кажется, «Отче наш», но слова путались, переходя в старческое бормотание.

В темноте раздался звук падения тела. Глухой, тяжёлый стук, с каким падает мешок с костями.

Рокотов стоял, боясь пошевелиться. Тьма вокруг была не просто отсутствием света. Это была вязкая, плотная субстанция, заполнившая «Утробу» до самого потолка. Игорь чувствовал её прикосновения к лицу — липкие, холодные, как руки утопленника. Он слышал собственное дыхание и бешеный стук сердца.

А потом из темноты раздался шёпот. Он шёл со стороны стола, где только что сидел Стромиллов. Шёпот был множественным, словно говорили сразу несколько ртов, забитых землёй.

— Ты знал. Ты всегда знал, чьё мясо ты готовишь. Ты просто боялся себе в этом признаться, повар.

Игорь сжал кулаки. Ногти впились в ладони до боли. Шёпот звучал у него в голове, минуя уши. Он проникал прямо в мозг, как запах гниющей плоти проникает сквозь закрытые окна.

— Нет, — прошептал Рокотов пересохшими губами. — Я не знаю. Я не хочу знать.

— Врёшь, — прошелестело в ответ. — Ты видел глаза в мясе. Ты слышал стоны, когда тушил его. Ты знал, что на

твоём столе лежит часть человека. И не просто человека. Ты готовил печень Саргина. Его сердце. Его боль. Ты питаешься болью убийц, потому что сам — один из них.

Вспыхнул свет. Резко, без предупреждения. Лампы под потолком загорелись ровным, электрическим, безжизненным светом, разогнав потустороннюю мглу в клочья. Зелёные свечи так и остались мёртвыми оплывшими столбиками.

Рокотов зажмурился от рези в глазах, а когда открыл их, увидел Стромилова. Тот лежал на полу, раскинув руки. Нож валялся рядом. Из уголка рта следователя стекала тонкая струйка слюны, смешанной с красным винным соусом. Глаза его были открыты и смотрели в потолок с выражением щенячьего недоумения. Он был жив, но находился в глубоком обмороке. Грудная клетка вздымалась редко, с хрипами.

Зоя бросилась к нему, опустилась на колени, приложила два пальца к сонной артерии.

— Жив, — выдохнула она. — Пульс нитевидный, но есть. Шеф, нужно вызывать скорую.

— Нет, — голос Рокотова прозвучал неожиданно твёрдо. — Никакой скорой. Отнесите его в мой кабинет. И выведите остальных.

Зоя посмотрела на него с ужасом и восхищением. Так смотрят на капитана тонущего корабля, который приказывает играть оркестру.

— Вы уверены?

— Я сказал, в кабинет. Там есть нашатырь и кислородная

подушка. Гости... — Игорь обвёл взглядом зал. Молодая пара уже стояла у выхода, женщина рыдала, мужчина трясущимися руками пытался открыть тяжёлую дубовую дверь. Старик, напротив, приблизился, стуча тростью по полу. Глаза его горели нездоровым любопытством.

— Уважаемые гости, — Игорь попытался изобразить на лице профессиональную улыбку, но вышла лишь гримаса. — Прошу прощения за небольшое представление. Это часть нового меню. Иммерсивный театр. Спектакль окончен, прошу вас покинуть зал. Счёт за ужин будет аннулирован.

Он говорил спокойно, но в голосе звенел металл приказа. Люди, получив разрешение на бегство, исчезли из «Утробы» быстрее, чем утренний туман. Остался только старик. Он подошёл почти вплотную к Рокотову и ткнул набалдашником трости ему в грудь. Череп на трости скалился золотыми зубами.

— Я двадцать лет хожу по кабакам, — прошамкал старик. — Я видел, как горят люди в борделях. Я видел, как режут глотки в игорных домах. Но такого... такого театра я ещё не видел, сынок. Чем ты кормишь людей?

— Правдой, — ответил Рокотов. — Всего лишь правдой, отец. А теперь прости, у меня гость без сознания.

Старик крикнул, покачал головой и заковылял к выходу, бормоча под нос что-то про «сатанинские игрища» и «последние времена».

Как только дверь за ним захлопнулась, Рокотов рухнул на

стул, где только что сидел Стромилов. Ноги его не держали. Руки тряслись. Зоя с помощью посудомойщика — немощного здоровяка по имени Семён — волокла бесчувственное тело следователя вглубь коридора.

Игорь остался один в пустом зале. Перед ним на столе стояла тарелка с остатками блюда. Мясо остыло. Спираль из пюре расплзлась, потеряв форму. Лепесток щавеля поник, словно увядший цветок на могиле.

Рокотов смотрел на тарелку и слышал эхо шёпота в своей голове: «Ты всегда знал, чьё мясо ты готовишь».

Он поднёс дрожащую руку к лицу. Шрам на ладони — старая спираль от ожога — горел огнём. Кожа вокруг него покраснела и припухла. Казалось, будто кто-то только что приложил к этому месту раскалённую печать.

Он всегда знал. Знал, но отгонял эти мысли, как назойливых мух. Продукты сами находили его. Сначала это была дичь с болот. Потом — странные корнеплоды с пустырей, похожие на скрюченные пальцы. Потом — это мясо. Первый раз оно пришло три месяца назад. Маленький аккуратный свёрток из вощёной бумаги. Внутри лежало то, что Рокотов сначала принял за телячью вырезку. Но когда он начал резать, нож наткнулся на татуировку. Маленький синий якорь на бледной, почти бескровной коже.

Игорь тогда выбросил кусок в мусорное ведро. Он мыл руки с хлоркой полчаса. А наутро свёрток лежал на пороге снова. И к нему прибавился второй. Якоря на коже не было.

Был шрам от аппендицита.

Он выбросил и их. Уехал на три дня за город. Вернулся — кухня была завалена свёртками. Десятки кусков, аккуратно упакованных, разложенных по размерам. Как в мясной лавке. И от каждого пахло человеком.

Тогда он сдался. Он сказал себе: «Это не люди. Это донорские органы. Или части тел неопознанных бомжей. Или... да какая разница? Это просто мясо». Он замариновал первый кусок в коньяке и апельсиновой цедре. Приготовил стейк с кровью. Съел его сам.

В ту ночь ему приснился мужчина. Коренастый, с наколками на пальцах — синими точками и перстнями. Мужчина сидел на краю кровати Игоря и плакал. Он рассказывал, как его убивали. В деталях. Как били обрезком трубы по почкам. Как выбивали зубы пассатижами. Как он захлёбывался собственной кровью, моля о пощаде, которой не последовало.

Проснувшись, Игорь знал имя убийцы этого мужчины. Знал адрес. Знал, где закопали тело. И знал, что убийца до сих пор на свободе, ходит по той же земле, дышит тем же воздухом.

В тот день он впервые подал «блюдо» гостю. Вкусивший его человек, мелкий уголовник, пришедший в ресторан по ошибке, впал в каталепсию, а очнувшись, поехал в полицию и написал явку с повинной по эпизоду пятнадцатилетней давности.

Так «Утроба» начала свою работу.

Но сегодняшнее блюдо было другим. Саргин. Олег Саргин. Маньяк, труп которого якобы сожгли в крематории. Почему его плоть оказалась на столе у Рокотова? Почему Стромилов, ловивший Саргина, увидел в галлюцинации не подвиг следователя, а ужас жертвы?

Игорь встал. Подошёл к тарелке. Двумя пальцами взял остывший кусочек мяса и поднёс к свету.

Волокна были тёмными, почти чёрными. Но если прищуриться, в глубине их пульсировала едва заметная алая жилка. Мясо всё ещё было живо.

Рокотов разжал пальцы, и кусок упал обратно на тарелку с мерзким чавкающим звуком.

Он понял. Ужас ледяной змеёй пополз по его позвоночнику, заставляя волосы на затылке встать дыбом. Саргин не был жертвой. Саргин был убийцей. Но Стромилов, съев его плоть, увидел себя на месте жертвы. Значит, душа, или память, или что-то ещё, что осталось в этих клетках, не принадлежало Саргину. Она принадлежала девушке, которую Саргин убил и съел. Или тому, чью боль Саргин впитал в себя.

Игорь готовил не мясо маньяка.

Он готовил боль всех, кого этот маньяк замучил.

А теперь Стромилов лежит без сознания в его кабинете. И шёпот сказал: «Ты — один из них».

Игорь Рокотов вытер руки о передник, оставив на грубой мешковине кровавый след. Он отправился в кабинет. Нужно

было привести следователя в чувство. Нужно было узнать, что именно тот видел в конце, перед тем как упасть. Кого он пытался ударить ножом? Саргина? Или кого-то ещё?

В кабинете, заставленном банками с заспиртованными аномалиями (двухголовый цыплёнок, младенец с рыбьим хвостом, сердце с торчащим из него гвоздём), на кожаном диване лежал Стромилов. Зоя держала у его носа ватку с нашатырём. Семён стоял в дверях, загораживая проход своей необъятной тушей, и тупо смотрел в одну точку на стене.

Стромилов застонал. Веки его дрогнули.

— Он приходит в себя, — констатировала Зоя.

— Оставь нас, — приказал Игорь.

Зоя колебалась лишь мгновение. Она посмотрела на Шефа долгим, понимающим взглядом. Она тоже слышала шёпот в темноте. Но она ничего не сказала. Вышла, уводя с собой Семёна.

Рокотов присел на край стола напротив дивана. Следователь открыл глаза. В них уже не было той водянистой цепкости. В них плескался животный, панический ужас загнанного в угол существа. Он посмотрел на Игоря, и в этом взгляде читалась мольба.

— Воды... — прохрипел он.

Игорь подал ему стакан с водой со своего стола. Стромилов пил жадно, обливаясь, вода стекала по его подбородку на галстук цвета запёкшейся крови.

Напившись, он откинулся на подушки дивана и закрыл

глаза.

— Я видел их, — произнёс он глухо. — Всех семерых. И ещё одну... восьмую. Девочку, которую даже не искали, потому что она была беспризорницей. Они стояли вокруг меня. У них не было глаз. Вместо глаз были дыры, и оттуда шёл свет, как из доменной печи. И они молчали. Они просто смотрели на меня своими дырами и ждали, когда я сделаю это.

— Что «это»? — спросил Рокотов, чувствуя, как сердце сжимается в груди до размеров грецкого ореха.

— Я должен был убить Саргина, — ответил Стромилов, не открывая глаз. — Я держал нож. А Саргин стоял передо мной на коленях и плакал. Как тогда, в девяносто восьмом, когда мы его брали. Только тогда он смеялся, а в этот раз плакал. И девушки ждали, что я его зарезу. Они хотели моими руками завершить возмездие.

— Вы не зарезали, — констатировал Рокотов.

— Я не смог, — выдохнул Стромилов. Голос его сорвался на хрип. — Потому что понял: я убил бы не его. Я убил бы себя. В тот раз, в девяносто восьмом... это не он сопротивлялся. Я его застрелил. Не при попытке к бегству. Я застрелил его в подвале, когда он был прикован наручниками к батарее. Потому что он знал обо мне то, чего не знал никто. Он знал, что я... что я люблю смотреть, как они умирают. Он был моим зеркалом. И я разбил зеркало.

Игорь Рокотов сидел неподвижно. В висках стучала кровь.

Вот оно. Признание. Блюдо сработало даже лучше, чем он рассчитывал. Он вскрыл нарыв, и оттуда хлынул гной.

— Вы убийца, — сказал Рокотов тихо. — Такой же, как Саргин. Только с милицейской корочкой.

— Да, — прошептал Стромиллов. — И теперь я знаю, что мёртвые видят нас. И они готовят нам место за своим столом. Чем вы меня накормили, Шеф? Почему я чувствую, что у меня внутри всё ещё горит тот подвал?

Рокотов не ответил. Он смотрел на свою ладонь. Шрам-спираль перестал болеть. Вместо этого от него по руке разливалось приятное, сытое тепло. Словно он сам только что поел чего-то очень калорийного и питательного.

«Ты питаешься болью убийц, — вспомнил он шёпот. — Потому что сам — один из них».

Нет. Он не убийца. Он всего лишь повар. Он готовит то, что приходит. Он не выбирал ингредиенты.

Но ведь можно закрыть ресторан. Можно уехать. Можно выбросить мясо в реку. Можно сжечь кухню дотла.

Он не сделает этого. Потому что впервые за много лет он чувствует азарт. Настоящий, животный азарт хищника, почувшавшего запах добычи. Стромиллов — только первое блюдо. А сколько ещё таких «следователей», «прокуроров» и «святош» ходит по этой земле, прикрываясь благими намерениями?

Ингредиенты сами найдут его. Они всегда находят. Нужно только открыть дверь.

Игорь Рокотов встал, поправил передник и улыбнулся своему гостю самой искренней, самой жуткой улыбкой, на какую только был способен человек, заглянувший за грань вкуса.

— Отдыхайте, Викентий Павлович, — сказал он мягко. — Завтра мы обсудим... специальное меню. Для вас и ваших коллег. Думаю, у вас найдётся что им подать.

Он вышел из кабинета, плотно притворив за собой дверь. В коридоре пахло тленом и корицей. Из кухни доносился едва слышный стук — словно кто-то бросал куски сырого мяса на разделочную доску.

Рокотов направился на кухню. Нужно было проверить, что за посылка прибыла сегодня к утру. Завтра новый день. Новый гость. И новая, старая как мир, боль, требующая изысканного соуса и правильной температуры подачи.

Ведь если подумать, что такое ресторан высокой кухни, как не алтарь, на котором приносят в жертву неведение и самообман?

А он, Игорь Дмитриевич Рокотов, всего лишь скромный жрец этого странного, кровавого и бесконечно увлекательного культа. И его «Утроба» будет наполняться, пока есть те, кто хочет узнать правду о себе.

И те, кто готов за эту правду платить. Не деньгами. Нет. Чем-то гораздо более ценным.

Самими собой.

Глава вторая. Кровь и почва

Утро после полуночного спектакля выдалось серым и промозглым, словно сама природа решила накинуть на город саван из мокрой ваты. Игорь Дмитриевич Рокотов не спал. Он вообще редко спал в последние месяцы — сон стал роскошью, доступной лишь тем, чья совесть ещё способна погружаться в блаженное забытьё. Его же совесть, если она ещё существовала где-то в глубине души, свернулась калачиком, как раненый зверь, и тихо скулила, не мешая работать.

Он стоял у окна своего кабинета, выходящего в узкий двор-колодец, и смотрел, как капли дождя разбиваются о ржавый карниз. В правой руке он держал чашку с чёрным кофе — густым, как мазут, и горьким, как полынная настойка. Кофе он варил сам, на песке, привезённом из Египта, и добавлял в него крошечную щепотку того самого порошка, который дала ему старуха-травница. Порошок не имел вкуса, но обострял восприятие до предела, позволяя видеть тени в углах и слышать шёпот в водопроводных трубах.

Строилова час назад забрала неприметная машина с тонированными стёклами. Следователь ушёл на своих ногах, но двигался как сомнамбула, глядя перед собой остановившимися глазами куклы. Он не сказал больше ни слова. Только на прощание сжал руку Рокотова с такой силой, что хрустнули суставы, и заглянул ему в глаза с выражением, которое

Игорь не смог расшифровать. Это не была благодарность. И не угроза. Это было нечто среднее между мольбой о пощаде и обещанием вернуться.

Дверь кабинета отворилась без стука. Зоя. Она всегда входила без стука, словно имела на это какое-то древнее, негласное право.

— Уехал, — сообщила она, прикрывая за собой дверь. — Семён проводил до машины. Водитель — тип в штатском, но выправка военная. Стромилов сел на заднее сиденье и сразу закрыл глаза. Будто спал.

— Он и спит, — отозвался Рокотов, не оборачиваясь. — Только с открытыми глазами. Теперь он будет спать до тех пор, пока не переварит то, что съел. А это может занять недели. Месяцы. Всю оставшуюся жизнь.

Зоя приблизилась к столу, за которым накануне лежал следователь, и провела пальцем по кожаной обивке дивана. На подушечке остался едва заметный серый налёт — словно пепел или пыльца с крыльев мотылька.

— Он вспотел, когда лежал, — заметила она. — И пот этот... он пахнет. Не человеческим потом. Так пахнет старый погреб, где долго хранили картошку и забыли закрыть отдушину. Землёй и гнилью.

— С каждым блюдом эманации становятся сильнее, — Рокотов наконец обернулся. Лицо его осунулось за ночь, под глазами залегли фиолетовые тени, но взгляд оставался острым, как лезвие его любимого ножа. — Вчера я использо-

вал печень. Или то, что я принял за печень. Ты сама видела, что случилось. Свечи погасли. Тьма стала физической. И шёпот... ты слышала шёпот?

Зоя кивнула. Её лицо, обычно бесстрастное, дрогнуло. В уголках губ залегла горькая складка.

— Слышала. Он говорил о вас, Шеф. Он говорил, что вы — один из них. Один из кого?

Рокотов поставил чашку на подоконник и потёр переносицу. Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и липкий, как запах разложения, который иногда просачивался из вентиляции, хотя в ресторане не было никаких испорченных продуктов. Игорь знал ответ, но произнести его вслух означало переступить ещё одну невидимую черту. А он и так переступил их слишком много за последние месяцы.

— Один из мёртвых, Зоя, — сказал он наконец тихо. — Один из тех, кто уже не принадлежит миру живых, но ещё не принят миром иных. Я — повар на границе. Я готовлю пищу для тех, кто хочет вспомнить, и для тех, кто хочет забыть. И плата за это... плата берётся не деньгами.

Зоя опустилась в кресло, стоявшее напротив стола. Её форменное платье сестры милосердия казалось сегодня особенно мрачным — белый передник посерел от времени, а красный крест на груди выглядел так, будто его нарисовали разбавленной кровью.

— Я работаю с вами три месяца, — произнесла она медленно. — Я видела, как люди плачут, смеются, кричат и те-

ряют сознание за вашими столами. Я видела, как мясо светится в темноте и как соус закипает без огня. Я принимала ставки на то, выживет ли сегодняшний гость или уедет в психушку. Но вчера... вчера было иначе. Тьма была живой. И она смотрела на вас.

Игорь подошёл к столу и сел напротив Зои. Их разделяла столешница из морёного дуба, покрытая следами от ножей и кругами от горячих чашек. На этой столешнице он разделял мясо, крошил травы, писал рецепты и рисовал странные символы, которые приходили к нему во сне.

— Ты хочешь уйти, — сказал он утвердительно.

— Я хочу понять, — возразила Зоя. — Когда я нанималась администратором в ресторан высокой кухни, я не подписывалась на должность Харона, перевозящего души через Стикс. Мне нужно знать, во что я ввязалась. Что это за мясо? Откуда оно берётся? И главное — кто его приносит?

Рокотов долго смотрел на неё, прежде чем ответить. В кабинете было тихо, только дождь барабанил по стеклу да где-то в недрах здания, в старых трубах отопления, раздавалось бульканье и вздохи — словно дом дышал.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Ты заслужила правду. Или хотя бы ту её часть, которую я знаю сам. Но сначала... сначала я должен тебе кое-что показать.

Он встал и направился к двери, ведущей в кухню. Зоя последовала за ним. Они прошли узким коридором, мимо зала с погасшими зелёными свечами и осьминогом в формалине,

который сегодня казался особенно мёртвым — три его сердца не бились уже вторые сутки, хотя раньше сокращались исправно. Рокотов заметил это краем глаза и сделал мысленную пометку: «Осьминог умирает окончательно. Это знак. Плохой знак».

Кухня встретила их привычным запахом — смесью пряностей, уксуса, свежей зелени и того особого, ни с чем не сравнимого аромата, который исходил от «ингредиентов». Сегодня этот аромат был гуще обычного. Он обволакивал, проникал в ноздри и оседал на языке сладковато-гнилостным послевкусием.

На разделочном столе, на том самом месте, где вчера лежал кусок мяса с фиолетовым отливом, сегодня покоился новый дар. И это был не просто кусок.

Зоя ахнула и попятилась, прижав ладонь ко рту.

На столе лежала человеческая рука.

Она была отсечена чуть ниже локтя, срез был чистым, почти хирургическим, без рваных краёв и осколков кости. Кожа на руке была бледной, с голубоватым оттенком, но не тронутая разложением. Ногти аккуратно подстрижены, на безымянном пальце — тонкое золотое кольцо с крошечным бриллиантом. Рука лежала ладонью вверх, и на этой ладони, в самом центре, темнел рисунок. Спираль. Такая же, как шрам на ладони Рокотова.

— Боже мой, — выдохнула Зоя. — Это же... это рука. Настоящая человеческая рука.

— Да, — спокойно ответил Рокотов, подходя ближе. — И судя по кольцу, принадлежала она женщине. Не старой. Кожа упругая, без пигментных пятен. Лет тридцать — тридцать пять.

— Её нужно вернуть! Нужно вызвать полицию! — Зоя сорвалась на крик, что было для неё совершенно нехарактерно. — Это же улика! Это часть трупа!

— Тише, — Игорь поднял руку. Голос его звучал ровно, но в нём звенела сталь. — Успокойся. Полиция здесь не поможет. Полиция — это Стромилов, а он сегодня утром уехал отсюда с дырой в душе размером с Марианскую впадину. Кроме того, ты забываешь главное правило «Утробы»: ингредиенты сами находят меня. Я не заказывал эту руку. Я не знаю, кому она принадлежала. Но я знаю, что если я не приготовлю из неё блюдо, завтра здесь будет лежать две руки. Или голова. Или нечто похуже.

Зоя опустила на табурет, стоявший у плиты, и закрыла лицо руками. Плечи её дрожали. Рокотов дал ей минуту, чтобы прийти в себя, а сам склонился над рукой, разглядывая спираль на ладони.

Рисунок был выполнен не чернилами и не краской. Он был выжжен. Словно кто-то приложил к коже раскалённый прут и держал, пока плоть не задымилась. Края ожога были аккуратными, как будто работу выполнял опытный мастер. Спираль закручивалась против часовой стрелки, уходя вглубь, и в самом центре её темнела крошечная точка, похо-

жая на прокол иглой.

Игорь поднёс свою левую ладонь к руке на столе. Его собственный шрам — старый, побелевший от времени — идеально совпадал по размеру и форме. Только его спираль закручивалась по часовой стрелке. Они были зеркальным отражением друг друга.

— Видишь? — спросил он Зою, не оборачиваясь. — Мы с ней связаны. Эта женщина — или то, что от неё осталось — часть меня. Или я часть её. Спираль — это знак. Древний знак, который я видел только однажды в жизни, до того как он появился на моей руке.

Зоя отняла руки от лица. Глаза её покраснели, но она взяла себя в руки.

— Где вы его видели? — спросила она глухо.

— На камне, — ответил Рокотов. — На том самом камне, на котором я теперь томлю соусы. Я нашёл его пятнадцать лет назад, когда был ещё мальчишкой и жил у бабки в деревне. Мы пошли за грибами в лес, что за Старым оврагом. Место там гиблое, люди его стороной обходят. Говорят, ещё при царе там было языческое капище, а потом, в Гражданскую, красные расстреливали белых и сбрасывали тела в овраг. Я отбился от бабки, заблудился и вышел на поляну, которой раньше никогда не видел. Посреди поляны лежал камень. Огромный, плоский, как стол. И на нём была вырезана эта спираль. Я, дурак малолетний, решил, что это клад. Подошёл ближе, положил ладонь на камень, прямо в центр

спирали. И камень был горячим. Как печка. Я отдёргнул руку, но было поздно — на ладони уже вздулся волдырь. Точно такой формы.

Он замолчал, глядя на свою ладонь. Воспоминания нахлынули с новой силой, яркие и болезненные, словно это случилось вчера. Он помнил запах палёной плоти — своей собственной. Помнил крик, который вырвался из горла, и то, как деревья вокруг поляны сомкнули ветви, заслоняя небо. Помнил, как камень загудел, словно огромный колокол, и из-под него поползли змеи — десятки, сотни змей, свивающихся в клубки. Он бежал тогда, не разбирая дороги, и чудом выбрался к деревне. Бабка, увидев ожог, ничего не сказала. Только перекрестилась мелко, достала какую-то мазь из горшочка и велела никогда больше не ходить к Старому оврагу.

— А камень? — спросила Зоя, заморожённая рассказом.
— Как он оказался здесь?

— Через десять лет, — продолжил Рокотов, — когда я уже стал поваром и работал в Москве, мне приснился сон. Во сне я снова стоял на той поляне, и камень звал меня. Не словами — вибрацией, которая шла от земли через подошвы. Я проснулся среди ночи, сел в машину и поехал в ту деревню. Пятьсот километров. Приехал на рассвете, нашёл поляну — она ничуть не изменилась. Камень лежал на том же месте, но спираль на нём светилась, как раскалённая. Я подошёл и сказал: «Я пришёл. Что тебе нужно?». И камень... он уменьшился. Прямо на моих глазах, огромная глыба сжалась до

размера булыжника, который можно унести в руках. Я взял его, положил в багажник и привёз сюда. С тех пор он греет мои соусы и... притягивает ингредиенты.

Он замолчал. Зоя смотрела на него расширенными глазами. В кухне повисла тишина, нарушаемая лишь мерным капаньем воды из крана — кап-кап-кап, словно метроном, отсчитывающий время до следующей трапезы.

— И вы не пробовали избавиться от него? — спросила она наконец. — Выбросить в реку? Разбить кувалдой?

— Пробовал, — усмехнулся Рокотов. — Один раз, в начале, когда ещё верил, что можно всё исправить. Отвёз его за город, бросил в болото. Вернулся домой — камень лежит на пороге кухни, тёплый и довольный. Я топил его в проруби, закапывал на кладбище в чужую могилу, даже пытался распилить болгаркой. Диск рассыпался в пыль, а на камне не осталось ни царапины. Он выбрал меня, Зоя. Так же, как я выбираю мясо для своих блюд.

Он снова перевёл взгляд на женскую руку, лежащую на столе. Она всё так же покоилась ладонью вверх, и спираль на ней, казалось, пульсировала в такт каплям из крана.

— А эта женщина? — спросила Зоя. — Вы знаете, кто она? Почему у неё такая же метка?

— Нет, — покачал головой Игорь. — Но я узнаю. Мясо расскажет. Оно всегда рассказывает, если уметь слушать.

Он взял нож — тот самый, с рукоятью из морёного дуба — и поднёс лезвие к запястью отсечённой руки. Сталь кос-

нулась кожи, и по кухне разнёсся тихий, протяжный стон. Звук шёл не от руки, а откуда-то из стен, из труб, из самой сердцевины здания.

— Что это? — прошептала Зоя, вжимаясь в табурет.

— Дом поёт, — ответил Рокотов, не отрывая взгляда от руки. — Он всегда поёт, когда я начинаю готовить. Это хороший знак. Значит, блюдо получится сильным.

Он сделал первый надрез. Кожа разошлась, обнажая подкожную клетчатку — желтоватую, с прожилками сосудов. Крови почти не было, только густая, тёмная жидкость, похожая на вишнёвый сироп, выступила по краям. Рокотов работал аккуратно, как хирург. Он отделил кожу от мышц, обнажил сухожилия и связки. Рука была в идеальном состоянии, словно её ампутировали всего несколько часов назад. Но холода в ней не чувствовалось — она была теплее, чем должна быть мёртвая плоть.

— Смотри, — сказал он Зое, указывая кончиком ножа на внутреннюю сторону предплечья. — Видишь эти волокна? Они синие. У живого человека мышцы красные или розовые. Синева — признак того, что при жизни эта женщина испытывала сильную, продолжительную боль. Не физическую — душевную. Её душа кровоточила так долго, что пропитала собой каждую клетку тела.

Зоя, преодолевая отвращение, подошла ближе. Она зажала нос платком, пропитанным лавандовым маслом, но всё равно чувствовала этот запах — сладковатый, тошнотвор-

ный, с нотками увядших лилий и сырой земли.

— Кто она? — повторила она свой вопрос.

— Сейчас узнаем, — Рокотов отложил нож и взял маленькую серебряную ложечку, которой обычно снимал пробу с соусов. Он погрузил её в срез на руке, зачерпнув немного той самой тёмной жидкости, что выступила из тканей. Поднёс ложечку к губам и, прежде чем Зоя успела его остановить, слизнул каплю.

Вкус взорвался на языке фейерверком ощущений. Сначала — горечь, резкая, как хина. Потом — соль, много соли, словно он лизнул морскую гальку. А затем пришла сладость, приторная, обволакивающая, как старый ликёр. И вместе со сладостью пришли образы.

Он увидел женщину. Молодую, красивую, с тёмными волосами, убранными в тугой пучок. На ней было строгое серое платье с белым воротничком — форма сестры милосердия или учительницы. Она сидела в маленькой комнате, заставленной книгами, и писала письмо. Перо скрипело по бумаге, оставляя аккуратные, убористые строки. «Дорогой мой, единственный... Я больше не могу так жить. Каждый день я вижу их лица, их глаза, полные надежды, которую я не в силах оправдать. Ты говоришь, что моё призвание — помогать, но я чувствую себя самозванкой. Я не умею любить. Я не умею сострадать. Всё, что я делаю — лишь имитация, игра, чтобы никто не догадался, какая пустота внутри...»

Образ сменился. Та же женщина, но старше, с сединой в

волосах. Она стоит перед зеркалом и держит в руке нож. В глазах — решимость и отчаяние. Она подносит лезвие к своему горлу, но в последний момент отдёргивает руку. Не может. Снова и снова она повторяет этот жест — замах и остановка, — пока на шее не появляются тонкие красные полосы. Она хочет умереть, но что-то держит её.

Третий образ. Женщина лежит на холодном каменном полу. Вокруг темнота, только где-то далеко горит свеча. Она связана, руки за спиной, во рту кляп. Она не кричит, не пытается освободиться. Она смотрит в потолок с выражением странного, болезненного облегчения. Кто-то склоняется над ней, кто-то в тёмном балахоне, и в руке у него — раскалённый прут. Он прижимает его к её ладони, и комната наполняется запахом горелой плоти. Женщина не кричит. Она улыбается.

Рокотов открыл глаза. Ложечка выпала из его пальцев и звякнула о каменный пол. Его трясло. По вискам стекал холодный пот.

— Шеф! Шеф, что с вами? — Зоя трясла его за плечи. — Вы побледнели, как покойник!

— Я видел её, — прохрипел Игорь, хватаясь за край стола, чтобы не упасть. — Я видел её жизнь. Вернее, её смерть. Точнее... она не умерла своей смертью. Её убили. Но она хотела этого. Она ждала этого как избавления.

Он рассказал Зое об образах, которые пришли к нему вместе со вкусом крови. О письме, о зеркале, о человеке в ба-

лахоне и раскалённом пруте. Зоя слушала, не перебивая, и лицо её становилось всё мрачнее.

— Это ритуал, — сказала она, когда Игорь закончил. — Не просто убийство — ритуальное жертвоприношение. Спираль на ладони, раскалённый прут... Это похоже на секту. Или на кого-то, кто подражает древним обрядам.

— Или на того, кто знает о камне и о метке, — добавил Рокотов. — Кто-то ещё нашёл такую же поляну. Или камень не один. Их может быть много, разбросанных по всей стране. И каждый такой камень ищет своего... повара.

Он вытер лицо полотенцем, висевшим на крючке у плиты. Полотенце было в тёмных пятнах — старых, засохших, похожих на кровь. Но Рокотов не обращал на это внимания. Он уже принял решение.

— Я приготовлю это блюдо, — сказал он твёрдо. — Я приготовлю его сегодня вечером. И я знаю, кому его подам.

— Кому? — спросила Зоя.

— Себе.

Зоя хотела возразить, но Рокотов остановил её жестом.

— Это единственный способ узнать правду. До конца. Я должен понять, кто эта женщина, кто её убил и как это связано со мной. Блюдо, приготовленное из её плоти, откроет мне её память полностью. Не обрывки, как сейчас, а всю картину. Я переживу её боль, её страх, её смерть. И тогда я узнаю, кто приносит мне эти дары.

— Вы сойдёте с ума, — прошептала Зоя. — Вы сами го-

ворили, что Стромилов будет переваривать свой ужин месяцами. А если вы съедите целую порцию? Это может убить вас. Или превратить в овощ.

— Возможно, — согласился Рокотов. — Но выбора нет. Вчерашний шёпот сказал, что я — один из мёртвых. Сегодня пришла рука с моей меткой, только зеркальной. Кто-то или что-то ведёт меня к разгадке. И я пойду этим путём до конца, даже если он ведёт в ад. В конце концов, Зоя, ад — это ведь тоже кухня. Только очень большая и очень жаркая.

Он усмехнулся своей шутке, но улыбка вышла кривой и неживой. Зоя поняла, что спорить бесполезно. Она встала с табурета, поправила передник и сказала:

— Тогда я помогу вам. Говорите, что нужно делать.

Рокотов благодарно кивнул. Вдвоём они приступили к работе. Игорь решил, что блюдо должно быть простым, почти аскетичным. Никаких сложных соусов, никаких гарниров, отвлекающих внимание. Только мясо, только соль, только огонь. Он хотел, чтобы вкус был чистым, чтобы ничто не мешало восприятию.

Он отделил мышцы от кости. Кость была тяжёлой, словно налитой свинцом. На ней, в том месте, где она была перерублена, темнели странные знаки — не то руны, не то буквы незнакомого алфавита. Рокотов сфотографировал их на телефон, чтобы потом попытаться расшифровать.

Мясо он нарезал тонкими ломтиками, как для карпаччо, и выложил на тарелку из чёрного базальта, которую держал

для особых случаев. Посолил крупной серой солью, привезённой из Крыма, с соляных озёр, где, по легендам, водились духи утопленников. Добавил несколько капель масла из чёрного тмина. Больше ничего.

— Это всё? — спросила Зоя, глядя на тарелку.

— Всё, — ответил Рокотов. — Истина не терпит гарниров.

Он велел Зое запереть дверь в кухню и никого не впускать, что бы ни случилось. Потом подошёл к камню, на котором грелся пустой котёл, и положил на него ладонь со шрамом. Камень отозвался теплом — ласковым, почти нежным.

— Ну, давай, — прошептал Игорь. — Покажи мне, что ты скрываешь.

Он сел за маленький столик в углу кухни, где обычно обедал персонал. Поставил перед собой тарелку с мясом. Взял вилку и нож. И начал есть.

Первый кусок был безвкусным. Просто холодная, скользкая плоть, которую приходилось долго жевать. Он проглотил его с трудом.

Второй кусок отозвался лёгким покалыванием в кончиках пальцев. словно он опустил руки в газированную воду.

Третий — и перед глазами поплыли круги. Кухня начала терять очертания, углы смазались, свет померк.

Четвёртый кусок он уже не помнил, как прожевал. Мир вокруг исчез, растворился, уступив место иной реальности.

Он снова был в той комнате, заставленной книгами. Но

теперь он не наблюдал со стороны — он был внутри женщины. Он чувствовал то, что чувствовала она. Тяжесть пучка на затылке, натирающего кожу. Запах чернил и пыли. Холод сквозняка из-под двери. И главное — тупую, ноющую боль в груди, которая не проходила никогда.

Он писал письмо. Её рукой. «Дорогой мой, единственный...» — выводило перо. И он знал, кому адресованы эти строки. Мужчине, которого она любила и ненавидела одновременно. Мужчине, который открыл ей глаза на её собственную пустоту. Который сказал однажды: «Ты не человек. Ты — сосуд. Пустой сосуд, который можно наполнить чем угодно. Болью, страхом, тьмой. Ты идеальный проводник».

Она не поверила ему тогда. Решила, что он жесток и просто хочет её обидеть. Но шли годы, и она всё больше убеждалась в его правоте. Она работала медсестрой в хосписе, видела смерть каждый день, держала за руки умирающих — и ничего не чувствовала. Ни сострадания, ни ужаса, ни печали. Только усталость и скуку. Она была пустым сосудом.

И тогда он пришёл к ней снова. Тот самый мужчина. Он сказал: «Я знаю, как тебе помочь. Я знаю, как наполнить сосуд. Но это будет больно. Очень больно. Ты готова?»

Она была готова.

Рокотов-в-женщине пережил обряд посвящения. Холодный каменный пол подвала. Вонь плесени и крысиного помёта. Связанные руки. Кляп во рту. И лицо мужчины, склонившееся над ней. Лицо, которое он не мог разглядеть — оно

было скрыто тенью капюшона. Но голос... голос он узнал.

Это был голос его деда. Смотрителя маяка на Онеге, который сошёл с ума, слушая крики утопленников.

Дед, умерший двадцать лет назад.

Рокотов закричал, но крик застрял в горле. Он чувствовал, как раскалённое железо вжимается в ладонь, как кожа шипит и лопается, обнажая сырое мясо. Боль была невыносимой, ослепляющей, но вместе с ней пришло странное, экзотическое облегчение. Словно вместе с ожогом в него вливалось что-то новое, тёмное и могущественное. Пустой сосуд наполнялся.

А потом был удар. Тупой, сокрушительный, в висок. И тьма. И холод.

И голос деда, звучащий уже не в ушах — в самой сердцевине сознания: «Ты не один, Игорь. Нас много. Мы — те, кто служит Голоду. Ты — мой наследник. Твоя бабка знала. Она пыталась уберечь тебя, но кровь не обманешь. Ты — повар Мёртвого Пира. И твоя Утроба будет кормить голодных богов, пока не опустеет последняя душа».

Рокотов очнулся на полу кухни. Он лежал, скорчившись, в луже собственной рвоты и слюны. Над ним склонилась Зоя с мокрым полотенцем в руках. Её губы шевелились, но он не слышал слов — в ушах стоял звон, как после взрыва.

Он попытался встать, но тело не слушалось. Руки и ноги были ватными, чужими. Во рту стоял вкус меди и тухлой воды. Голова раскалывалась.

— Шеф! Шеф, вы слышите меня? — голос Зои прорвался сквозь звон. — Вы пролежали без сознания почти час. Я уже хотела вызывать скорую, несмотря на ваш запрет.

— Не надо скорую, — прохрипел Игорь. — Помоги мне сесть.

Зоя с трудом подняла его и усадила на табурет. Рокотов обвёл кухню мутным взглядом. Тарелка из чёрного базальта валялась на полу, разбитая вдребезги. Остатки мяса размазались по плитке. Камень под котлом светился тусклым багровым светом, словно в нём тлели угли.

— Я видел, — сказал Рокотов, держась за голову. — Я видел всё. Моего деда. Он не умер тогда, на маяке. Он... он стал чем-то иным. И он служит Голоду. Какому-то Голоду, который требует жертв. И я — его наследник. Моя бабка знала и пыталась меня защитить, но...

Он осёкся. На тыльной стороне его левой ладони, там, где был старый шрам-спираль, кожа покраснела и вздулась. Спираль изменилась. Теперь она закручивалась в обе стороны — и по часовой стрелке, и против. Она стала двойной, переплетённой, словно две змеи, пожирающие друг друга.

— Что это? — прошептала Зоя, глядя на его руку.

— Метка завершена, — ответил Рокотов. — Я принял наследство. Теперь я не просто повар. Я — жрец. И «Утроба» — это не ресторан. Это храм. Храм Голода.

В дверь кухни постучали. Три удара — быстрых, нервных. Так стучала только Зоя, но она стояла рядом. Значит, стучал

кто-то другой.

— Кто там? — спросил Рокотов, с трудом поднимаясь на ноги.

— Шеф, это Семён, — раздался глухой голос из-за двери. — Там... там пришли. Гости. Много гостей. Говорят, что записаны на сегодня. Но я сверялся с книгой — на сегодня записей нет.

Рокотов переглянулся с Зоей. В её глазах плескался ужас.

— Сколько их? — спросил он.

— Двенадцать человек, Шеф, — ответил Семён. — И все они... все они выглядят одинаково. Как один человек, только в разной одежде. И у каждого на ладони — спираль.

Игорь Дмитриевич Рокотов выпрямился во весь рост. Боль в голове утихла, уступив место ледяному спокойствию. Он понял: это не гости. Это паства. Его паства. И они пришли на службу.

Он подошёл к умывальнику, сполоснул лицо ледяной водой, вытерся чистым полотенцем. Надел свежий передник. Проверил ножи.

— Открывай двери, Семён, — сказал он громко. — Сегодня «Утроба» принимает всех. Сегодня будет особое меню.

Он повернулся к Зое и добавил тихо, так, чтобы слышала только она:

— Иди в зал. Принимай заказы. Только помни: теперь у нас нет выбора. Мы в самом центре пира. И мы — не хозяева. Мы — лишь официанты на этом празднике Голода.

Зоя медленно кивнула и вышла из кухни, оставив Рокотова одного. Он стоял посреди своего царства — среди кастрюль, ножей, банок со специями и камня, источающего древнее тепло. На столе лежала отсечённая рука, теперь уже почти голая кость, обглоданная его познанием. Но на кости, на самой сердцевине, пульсировала алая точка — словно крошечное сердце, которое не желало умирать.

Рокотов взял нож. За дверью кухни слышался гул голосов — глухих, монотонных, лишённых эмоций. Двенадцать человек с одинаковыми лицами и спиралями на ладонях рассаживались в зале «Утробы». Они пришли не за исцелением. Они пришли кормить Голод. И кормить их должен он, Игорь Дмитриевич Рокотов, шеф-повар храма, наследник безумного смотрителя маяка и внук знахарки, которая не смогла уберечь его от судьбы.

Он усмехнулся, и усмешка эта была горькой, как полынь, и острой, как бритва.

— Ну что ж, дед, — сказал он в пустоту. — Раз уж ты втянул меня в это, покажи, каково меню у Голода. А я уж постараюсь, чтобы блюда вышли... незабываемыми.

Он развернулся к разделочному столу, на котором лежали свежие дары этого утра — три аккуратных свёртка из вошёной бумаги, перевязанных бечёвкой. От них исходил пар, хотя на кухне было холодно. Игорь взял первый свёрток, разорвал бумагу и замер.

Внутри лежало человеческое сердце.

Оно было ещё тёплым.

И оно билось.

Глава третья. Трапеза двенадцати

Сердце билось.

Игорь Дмитриевич Рокотов держал его в ладонях, словно птенца, выпавшего из гнезда, и смотрел, как сокращаются предсердия и желудочки, выталкивая наружу последние капли загустевшей, почти чёрной крови. Сердце было человеческим — в этом не оставалось сомнений. Размер, форма, расположение сосудов, даже крошечный шрам на верхушке, похожий на след от иглы, — всё говорило о том, что этот орган когда-то бился в груди живого человека. И, судя по всему, продолжал биться до сих пор, хотя человек, которому оно принадлежало, давно был мёртв.

Рокотов осторожно переложил сердце на разделочную доску. Мышца сократилась в его пальцах — сильно, судорожно, словно протестуя против прикосновения. На мгновение Игорю показалось, что он слышит крик — далёкий, приглушённый, как из-под толщи воды. Крик ужаса и боли, запертый в тканях, словно джинн в бутылке.

Он сделал глубокий вдох, успокаивая дрожь в руках. За дверью кухни, в зале «Утробы», рассаживались двенадцать гостей. Их шаги были бесшумными, но он чувствовал их присутствие кожей — так чувствуешь приближение грозы, когда воздух становится плотным и электрическим. Зоя, бледная как полотно, стояла у входа в зал, готовая принять

«заказ», хотя никакого меню, разумеется, не существовало. Семён, немой посудомойщик, замер в дверях кухни, ожидая указаний. Его маленькие, заплывшие жиром глазки тревожно бегали от сердца на столе к лицу Шефа и обратно.

— Семён, — произнёс Рокотов, не оборачиваясь. — Принеси мне большую сковороду. Чугунную. Ту, что с гербом какого-то барона на дне. И разожги камень.

Семён кивнул и тяжело заворочался в углу кухни, гремя посудой. Рокотов тем временем развернул второй свёрток. Внутри, в промасленной бумаге, лежала печень. Она была тёмно-бордовой, почти коричневой, с зеленоватыми прожилками желчных протоков. Поверхность её блестела, словно покрытая лаком, и источала сладковатый, тошнотворный аромат, напоминающий запах переспелых фруктов, тронутых гнилью. Рядом с печенью лежал маленький свёрток поменьше — в нём оказалась горсть лесных орехов, пересыпанных крупной серой солью. Орехи были странными: скорлупа их напоминала крошечные черепа, сморщенные и потемневшие от времени.

Третий свёрток Рокотов разворачивал с особой осторожностью. Бумага была холодной, словно её только что вынули из морозильной камеры, хотя на кухне царил влажное тепло от камня. Внутри обнаружилась кисть руки — на этот раз левая, с тонкими длинными пальцами и аккуратным маникюром. На безымянном пальце тускло поблёскивало серебряное кольцо с чёрным агатом. А на ладони, в самом цен-

тре, темнела спираль. Такая же, как у самого Рокотова, как у руки, найденной утром, как у двенадцати гостей, сидящих сейчас в зале.

Игорь положил кисть рядом с сердцем и печенью. Три дара. Три ингредиента для двенадцати персон. Задача, с которой не справился бы ни один повар в мире, если бы он мыслил в категориях обычной кулинарии. Но Рокотов уже давно перестал быть обычным поваром. Сегодня утром, когда он съел мясо той женщины и увидел своего мёртвого деда, он переступил последнюю черту. Теперь он был жрецом. Жрецом Голода.

Он взял нож — тот самый, с рукоятью из морёного дуба, который, казалось, сам ложился в ладонь, словно был её продолжением. Лезвие поймало отблеск пламени, вспыхнувшего под камнем, и на мгновение засветилось алым, будто раскалённое. Рокотов поднёс нож к сердцу.

— Что ты такое? — прошептал он, глядя на бьющийся орган. — Чьё ты? И почему ты до сих пор живо?

Сердце не ответило, но сократилось снова — на этот раз сильнее, словно пытаясь вырваться из невидимых пут. Игорь прижал его ладонью к доске, чувствуя, как мышца бьётся о дерево, и сделал первый надрез.

Лезвие вошло в плоть с тихим, влажным звуком. Из разреза хлынула кровь — густая, почти чёрная, с металлическим блеском. Она была горячеей, обжигающе горячеей, словно сердце только что извлекли из живой груди. Кровь потек-

ла по разделочной доске, собираясь в углублениях древесных волокон, и от неё повалил пар. Пар этот пах не железом и солью, как обычная кровь, а чем-то иным — сложным, многослойным ароматом, в котором смешались ноты мускуса, ладана, сырой земли и едва уловимый запах жасмина.

Рокотов вдохнул этот пар и почувствовал, как голова слегка закружилась. Перед глазами на мгновение вспыхнула картина: ночной лес, залитый лунным светом; фигура в тёмном балахоне, стоящая у каменного алтаря; и ещё одна фигура — обнажённая, распростёртая на алтаре, с зияющей раной в груди. Картина исчезла так же быстро, как появилась, оставив после себя смутное чувство узнавания. Игорь понял, что видел момент жертвоприношения. Того самого, в результате которого сердце оказалось на его столе.

Он продолжал резать. Сердце было устроено сложно: четыре камеры, клапаны, толстые стенки желудочков. Рокотов работал с точностью хирурга, отделяя предсердия от желудочков, вырезая аорту и лёгочный ствол. Каждый разрез сопровождался новой вспышкой видения. Он видел лица — искажённые болью, молящие, смилившиеся. Видел руки, воздетые к небу или скованные цепями. Видел каменные круги, выложенные на земле, и спирали, начертанные кровью. И над всем этим — ощущение присутствия чего-то огромного, безликого и вечно голодного. Того самого Голода, о котором говорил дед.

Когда сердце было разделано на аккуратные куски, Рокото-

тов отложил нож и вытер пот со лба. Руки его дрожали, но не от страха — от напряжения, с которым он сдерживал поток чужих воспоминаний, хлынувший из плоти. Он посмотрел на разделочную доску. Кровь на ней успела загустеть и образовала причудливые узоры, напоминающие письма на незнакомом языке.

— Семён, сковороду, — напомнил он.

Здоровяк подал тяжёлую чугунную сковороду, на дне которой действительно был выдавлен герб — щит, разделённый на четыре части, с изображениями волка, ворона, змеи и пылающего факела. Рокотов поставил сковороду на камень. Тот уже раскалился до нужной температуры — градусов сто восемьдесят, если мерить обычным термометром. Но обычный термометр здесь был бесполезен. Камень сам регулировал жар в зависимости от того, что на нём готовили.

Игорь бросил на сковороду несколько кристаллов серой соли. Они зашипели, запрыгали, а затем начали плавиться, растекаясь тонкой блестящей плёнкой. В этот раскалённый соляной раствор он аккуратно выложил куски сердца. Плоть зашкворчала, задымилась, и кухню заполнил запах — невыносимо аппетитный, пробуждающий самый древний, животный голод. Так пахнет мясо, приготовленное на открытом огне, когда ты голоден как волк и готов съесть всё, что угодно, даже собственные пальцы.

Рокотов переворачивал куски щипцами, следя, чтобы они подрумянились равномерно. Сердце вело себя странно: оно

не уменьшалось в размерах, как обычное мясо, а наоборот, словно набухало, впитывая жар и соль. Из него продолжал сочиться сок — густой, красный, похожий на расплавленный рубин. Этот сок смешивался с солью, образуя глазурь, которая покрывала каждый кусок блестящей корочкой.

Пока сердце томилось на сковороде, Рокотов занялся печеню. Он нарезал её тонкими ломтиками, посыпал толчёными лесными орехами (скорлупа которых крошилась в пальцах, обнажая тёмные, сморщенные ядра, похожие на миниатюрные мумии) и сбрызнул уксусом, настоящим на полыни. Уксус этот он готовил сам, выдерживая в дубовой бочке, найденной в подвале заброшенной церкви. Он имел резкий, почти невыносимый запах, который, однако, удивительным образом оттенял сладковатый аромат печени.

Кисть руки он решил не подвергать термической обработке. Вместо этого он аккуратно срезал кожу с ладони — ту самую, на которой темнела спираль, — и нарезал её тончайшими полосками, почти прозрачными, как папиросная бумага. Эти полоски он разложил на отдельной тарелке, присыпав крупной солью и украсив лепестками увядшей розы, которую хранил в холодильнике для особых случаев. Роза была чёрной, выведенной каким-то селекционером-сатанистом, и пахла тленом и мёдом одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.